

наталия

Клевалина

Женский детектив

УБИЙСТВЕННАЯ ОСЕНЬ

Ей казалось, что кто-то чужой и очень сильный разглядывает ее и решает, убить или оставить жить дальше...

Наталия Клевалина

Убийственная осень

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=590295

Убийственная осень: роман: Центрполиграф; Москва; 2009

ISBN 978-5-9524-4075-3

Аннотация

Как они были счастливы оттого, что осенью вырвались на берег Белого моря, москвичка со странным прозвищем Овчарка и ее подруга Васса. Еще в поезде Овчарка заметила скандально известную журналистку Шуру Каретную. Присутствие этой жесткой, циничной особы, имевшей толпу поклонниц и ничуть не меньше недоброжелателей, обещало совсем не пресную поездку. Но девушка и представить не могла, в центре каких событий вскоре окажется...

Содержание

Наталья Клевалина

4

Конец ознакомительного фрагмента.

77

Наталия Клевалина

Убийственная осень

Моей бабушке Любове Крыловой.

И памяти Дмитрия Анатольевича Буханова

* * *

Однажды, в конце августа, девчонка по имени Овчарка бродила по берегу Белого моря. В три часа ночи она сошла с поезда в Кеми вместе с подругой Вассой. Они сразу нашли машину и за сто рублей доехали до причала. Но здесь они узнали, что катер «Святитель Николай» пойдет только в восемь утра, а вероятно, и позже. Песок был белый, и небо было белое, и море тоже.

«Хотя нет, море, пожалуй, перламутровое, с серыми искрами, цвета металлик» – так подумала девчонка по имени Овчарка, шагая вместе с подругой по песку, покрытому высохшими водорослями, к бару «Поплавок». Переделанный из вагона поезда, обитый вагонкой, очень грязной, потому что все липло к лаку, которым ее когда-то покрыли, бар смотрел на море тускло освещенными окнами.

Стоечная баба, обнимаясь на деревянной лавке с лысым,

крикнула Овчарке, что она неплотно прикрыла за собой дверь. Кроме барменши и лысого, внутри никого не было. Овчарка захлопнула дверь и попросила чай для себя и кофе для Вассы. Однако стоечная баба сказала, что бар откроется только в пять утра, и продолжала пить пиво с лысым. Овчарка ногой задвинула свою сумку под стол, и они с Вассой сели. Стол тоже был грязный, и еще Овчарка заметила венки из белых погребальных цветов, прибитые над окнами. Пока они шли от попутки до бара, ее, одетую еще по-московски, успел заморозить ночной ветер с моря.

В баре Овчарка согрелась и попыталась заснуть, потому что спала этой ночью всего час – в поезде, но ничего не получалось. Тогда она стала ждать, когда взойдет солнце. Васса уже спала, положив голову на стол. В конце концов и Овчарка задремала. Когда она проснулась, оказалось, что солнце давно встало и ушло в облака, а в баре полно народу.

Наверное, стоит объяснить, кто такая Овчарка, как ее занесло к Белому морю и когда же происходили нижеописанные события.

Если ты живешь в Москве, как-то трудно сказать: «Это было год назад» или «Это случилось в таком-то году в таком-то месяце». Обычно мы говорим: «Это произошло сразу после того, как я познакомилась со своим бывшим» или «Я тогда только сдала на права, и у меня был нервный срыв, когда я задела грузовик, вырывая со стоянки, и задавила кошку, да еще тогда же проклятый врач, который делал мне

новые линзы, занес мне конъюнктивит, и я ходила месяц, будто мне поставили по фонарю под каждый глаз».

Так вот, все, что я хочу рассказать, произошло в то время, когда женщины в Москве стали носить брюки-бананы а-ля Дженнифер Лопес и везде крутили дурацкую песню «Я шоколадный заяц», вы ее, наверное, помните.

Овчарка была из везунчиков. Так считали все, кроме нее. В свои двадцать четыре она уже шесть месяцев работала в цветном глянцево-м журнале под названием «Женский мир». Овчарке платили семьсот долларов в месяц, она приходила на работу к одиннадцати, а уходила в семь. Она редактировала, отвечала на письма читательниц, которые сама же сочиняла, писала статьи о том, как готовить бескалорийный коктейль из фиников, стоит ли заниматься сексом по утрам и как выбрать хорошего семейного психоаналитика. Она составляла глупые тесты и вела колонку советов «Спроси у Овчарки», где учила читательниц, что делать, если появились морщины на шее, складки на животе и целлюлит на попе. Всех читательниц журнала Овчарка считала в лучшем случае бездельными идиотками, которые не знают, на что бы еще спустить деньги богатых мужей, в худшем – даунами. За такие места, как у Овчарки, держатся руками, зубами и ногами.

Только она чувствовала себя очень несчастной. Когда мать сказала ей: «Глядишь, через пару лет тебя сделают замом главного редактора», она очень расстроилась. Дело в

том, что от редакции «Женского мира» до Овчаркиной мечты было как от Москвы до Белого моря.

Овчарка с детства хотела стать журналистом. И не просто журналистом, а героическим журналистом. Ее прадед работал в «Правде» во время войны с немцами, писал в газету статьи о том, как он высаживался с десантом в Тамани и форсировал Неман. В своих мечтах Овчарка первой входила в осажденные города, из бомбоубежища диктовала по мобильнику передовицу и так далее.

Год назад она сказала матери, что едет в Багдад вместе с гуманитарной миссией. Овчарка уже купила русско-арабский разговорник и подержанный ноутбук с выходом в Интернет. Мать схватилась за голову – кроме Овчарки, у нее никого не было. В конце концов Овчарка сдалась – ведь у нее, кроме матери, тоже не было никого. Овчарка попала в «Женский мир». Сперва она радовалась наконец-то появившимся деньгам. Но потом поняла, что из этого бабского журнала ей, как из болота, никогда не выбраться.

Главным украшением редакции «Женского мира» здешние мужики считали Овчаркину фигурку, хотя она совершенно о последней не заботилась. Овчарка по долгу службы легко жонглировала такими словечками, как трекинг, стрейчинг, тонус, эндорфины, аквааэробика, хотя сама вряд ли знала, как выглядит элементарный велотренажер. Над ее рабочим компьютером висел отпечатанный на принтере плакат: «Хватит худеть, жизнь и так коротка». Овчарка была

очень белокожая, голубоглазая, широкоскулая. Овчарка думала, что ее нос толстоват, и свой профиль любила больше, чем фас. Но когда какая-то баба в редакции хотела Овчарке посоветовать клинику, где делают пластику и уменьшают нос, Овчарка заявила, что она слишком привязана к своему родному носу и ни на что его не променяет. Примерно то же Овчарка ответила другой бабе. Эта негодяйка намекнула Овчарке, что ее грудь маловата, и пообещала принести телефон места, где хорошо подкачивают бюст. Овчарка любила свою грудь и думала всегда, что она у нее не большая, но и не маленькая.

Стремление непрерывно совершенствовать свою внешность – вот чего у Овчарки никогда не было. «Раз тебя Бог сотворил такой, значит, такой тебе и быть. Не стоит портить то, что Он создал. Ему видней». Все, кто недоволен своим внешним видом, – уроды – так она считала.

В том сезоне, о котором я веду речь, Овчарка была рыжей. И вот как-то в пятницу она сговорилась с Вассой сходить в кино. Они уже не виделись черт-те сколько времени. Васса и Овчарка дружили целых восемнадцать лет. Они познакомились в пионерском лагере. Овчарка была в пятом отряде, а Васса приехала с матерью, которая работала в летнем лагере каждый год уборщицей.

Однажды Овчарка удрала в тихий час из отряда и прогуливалась около корпуса для обслуживающего персонала. Там, на втором этаже, томилась Васса, мать которой ушла

мысль игротеку и запретила дочери выходить из комнаты в тихий час. Овчарка перочинным ножичком срезала длинные белые цветы с полым стеблем – она называла их «дудки». Через трубочки, сделанные из стебля, можно было плевать незрелой рябиной.

Васса из окна окликнула Овчарку:

– Привет. Ты что делаешь?

– Гуляю.

– Заругают.

– Ну и пусть. Убить они меня не убьют и не побьют тоже, они говорят, что детей бить нельзя, вот дураки. Еще как можно, я проверяла. Так что оставят без сладкого, ну запрут, гулять не пустят. Это ерунда. Тебя как зовут?

– Васса.

– Врешь. Нет такого имени.

– А вот и есть.

– Нету. Может, ты мальчик и тебя зовут Вася? Так ты так и скажи.

– А ты кто?

– Овчарка.

– Ха-ха-ха! Досмеюсь до упаду! Значит, Васса – такого имени нет, а Овчарка – есть, да? Ты что, собака?

Овчарка любому за такое надавала бы по шее, но сейчас ей не хотелось делать этого, и она просто пояснила:

– Вроде нет. Просто, когда мама меня маленькую кормила, я ее все кусала. Она и говорила: «Не ребенок, а овчарка».

Так меня и зовут с тех пор. Хотя вообще-то, ты только не говори никому, у меня и человеческое имя есть. Только не смейся, ладно?

– Не буду, – пообещала Васса – ну, какое?

– Серафима. Когда я родилась, еще прабабка была жива. «Надо по святцам назвать», – говорит. Ей никто и не стал перечить – она уже болела тяжело. Вот и назвали по святцам. Гадость какая-то, деревня Черные Грязи!

– И очень даже красиво, – возразила Васса.

– Да, прабабка говорила, мол, переводится как «пламенная». Но я Овчарка, – Овчарка тряхнула головой, – Овчаркой и останусь. А ты гляди – не ляпни про Серафиму. Тебе что, выходить нельзя?

– Ага. Тихий час.

– Кому тихий, а кому громкий. У тебя какой номер комнаты?

Когда явилась мать Вассы, обе девчонки обстреливали рябиной из окна всех проходящих внизу. До этого они спорили, кто выдует самый большой мыльный пузырь, и пускали из окна самолетики. Все в комнате было вверх дном. Самое скверное, что самолетики они делали из листков, вырванных из тетради Вассиной матери. Это оказался ее дневник. У Вассы отродясь не было отца, и ее мама любила приключения, подробности которых она заносила в дневник. В тот день в лагере все узнали, что замначальника лагеря импотент, а кривой Колька из котельной – мужик лучше и не на-

до. После этого Вассу наказали, но их с Овчаркой дружба началась.

И вот как-то летом, когда повсюду крутили песню «Я шоколадный заяц», Овчарка и Васса встретились после работы и пошли в кино.

Как только фильм начался, Овчарка моментально задремала. Ее не разбудил даже шум от спецэффектов на экране. Так что спустя тридцать минут Васса ее растолкала и они вышли из зала и сели у барной стойки.

– Ты всегда платишь двести рублей, чтоб немного поспать? По-моему, дешевле выйдет спать дома, – со смехом сказала Васса.

– Надеюсь, я не храпела? – спросила Овчарка, зевая.

– Так, совсем чуть-чуть.

Они выпили по кока-коле со льдом, после чего Овчарка заметила на другой стороне улицы «Макдоналдс».

– Пошли. Пospали, теперь поедим. – И потащила подругу в кафе, где набрала кучу еды.

Они с трудом нашли два свободных места.

– Ай-ай-ай! – сказала Васса. – Что же скажут твои читательницы, среди которых ты насаждаешь здоровый образ жизни? Две картошки фри, два молочных коктейля и три чизбургера. И это в восемь вечера!

Однако меньше всего в этот момент Овчарке хотелось слушать о читательницах «Женского мира».

– Да насрать мне на них! Это все из-за них! Это из-за них

моя жизнь не удалась!

– Послушай, – рассмеялась Васса, – подожди по крайней мере еще лет пятьдесят. Вот тогда и говори о том, что жизнь не удалась.

– Мне так и хочется иногда написать в моих советах. Знаешь, что я бы сделала со всеми этими дурами, помешанными на диетах и шмотках? Я бы упаковала их всех в столыпины и отправила бы на картошку в Рязанскую область, как при социализме. На них же пахать надо! У нас знаешь какие бы были урожаи! А я тут их учу дыхательным упражнениям от бессонницы! Вот где они бы спали как убитые! Ты не поверишь, я уже вторую неделю из-за всего этого сплю только благодаря феназепаму. Этот проклятый журнал меня в могилу сведет.

– Я всегда говорила, что тебе там не место.

– А есть я что буду?

– Значит, терпи. Вон я читала в журнале, восемьдесят процентов людей недовольны своей работой.

– Не говори мне больше этого слова – «журнал», – буркнула Овчарка и откусила большой кусок чизбургера.

– У меня для тебя маленький подарочек, – сказала Васса, – может, тебя это порадует.

И она достала нарядно запакованный блестящий сверток.

– В честь чего это?

– Неделю назад были твои именины.

– Честное слово, вот блин, хоть бы кто-нибудь, кроме те-

бя, догадался поздравить, – сказала растроганная Овчарка, разворачивая обертку, – все думают, на день варенья или годовщину свадьбы надо дарить. А именины – мелочь, чего об этом и вспоминать.

В упаковке оказалась помада, Овчарка давно такую хотела – «Блеск мокрых бриллиантов», сто восемнадцатый оттенок.

– Блин, как ты догадалась, что я хочу именно сто восемнадцатый?

– Ты мне месяц назад об этом сказала. Мы тогда еще ходили выбирать мне брюки.

– Черт, хотела бы я, чтобы мой парень так же умел слушать. По-моему, он иногда забывает, как меня зовут. Честное слово, Васса, если б ты была мужчиной, я бы сразу за тебя замуж вышла. Вот прямо здесь, не сходя с места.

– А с чего ты решила, что я тебя бы взяла замуж? – рассмеялась Васса.

– Послушай, – немного погодя сказала Овчарка, – не хотелось бы о печальном, но как твой развод?

– Помаленьку. Я, знаешь, после трех месяцев этой нерво-трепки как-то утром в зеркало поглядела, и мне впервые в жизни показалось, что я стала старой.

– Не валяй дурака. По-моему, тебе отдых нужен. И мне тоже. Это мне сегодня сказал зам главного редактора. После того как я отнесла ему свои советы этого месяца. Там одна дура спрашивает: «Мне сорок лет. Что мне делать, чтоб у меня грудь стояла, как раньше?» Ну я и ответила: «Встать

на четвереньки». Слушай, хочешь совет? Нормальный? Если ты хочешь ради Катьки все склеить, то лучше сразу брось это дело. Кстати, сколько твоей дочке?

– Четыре года.

– Вот знаешь как будет? Катька вырастет, увидит, какая ты несчастная и старая и как все его выкрутасы терпишь, и спросит: «Мам, ты зачем себя несчастной сделала?» – а ты скажешь: «Ради тебя». А она скажет: «А я и не просила. Это значит, во всем этом я виновата». Ты что думаешь, ей от этого хорошо будет?

Вот смотри, мы с тобой без отцов выросли. И ничего, не сдохли. Я зарабатываю в этом проклятом месте семьсот баксов, ты в своем рекламном агентстве и побольше. Знаешь, что я тебе скажу? Если хочет уходить, пусть уходит сейчас, а не потом, когда Катька к нему привяжется. Вот тебе хорошо, ты своего отца вообще не знала. А меня отец бросил, когда мне восемь было. Встретил какую-то шлюху! Мне, помню, подарил напоследок игрушечный луноход. Я его до остановки провожала, будто знала, что в последний раз его вижу. И так мне хотелось сказать: «Возьми свой луноход, мне не он, мне ты нужен». Но смолчала, хотя чуть и не заплакала. Я тогда уже гордая была, ты меня знаешь. Пришла домой да и разбила этот его луноход молотком. Очень он меня обидел, вот что я тебе скажу. Я если б сейчас его увидела, сразу бы в рожу плюнула. – И Овчарка снова впилась зубами в чизбургер.

Васса слушала ее с грустным видом. А Овчарка похлопала ее по руке:

– Да не жалеи ты о нем. Черт, ты у нас видная девушка, к вам такие мэны ходят, я видела! Кого-нибудь найдешь. А если будешь этого терпеть, вот тогда в сорок останешься с измотанными нервами и никакой внешностью. Поверь мне, я ведь веду колонку гребаных советов. Выше нос, подруга! Прорвемся!

Иногда Овчарка думала, что в прошлой жизни они с Вассой тоже дружили. Очень уж хорошая, верная и долгая была у них дружба. Вассе в жизни пришлось хуже, чем Овчарке. Мать пила да гуляла, но, кроме нее, никого у Вассы не было. Когда мать умерла от цирроза в сорок, Овчарка, которой Васса даже и позвонить не успела, каким-то образом почувствовала, что с подружкой стряслась беда, и поздно вечером примчалась к ней. Овчарка позвонила в морг, привела врача и мента, чтобы освидетельствовали смерть. Васса сидела в углу и ничего не могла делать. Васса боялась спать одна. Овчарка уложила ее в постель, напоила валерьянкой, а себе постелила рядом на раскладушке. Они проговорили всю ночь. Добрая Овчарка даже смогла вывести подругу из прострации, рассказав что-то смешное. Кажется, о том, как какой-то извращенец в метро долго гладил руку Овчарки, которой она держалась за поручень, и уже стал думать, что ей это нравится, потому что она, как большинство ему попадавшихся женщин, не отдергивала руку, как вдруг Овчарка оторвалась

от газеты, в которой героические журналисты писали истории о своих подвигах, и произнесла: «Поручень правее».

– Слушай, – сказала Васса, – мне нужен отдых, тебе нужен отдых, какой отсюда вывод?

– Куда-нибудь поехать вдвоем? Как в старые времена? Ура! Ну и куда? Только знаешь, чтобы на пляже не валяться. Так делают только долбанные читательницы «Женского мира». Они за свои деньги где-нибудь в Тунисе, Испании или Турции валяются три недели на солнце, как свиньи в грязи, а потом приезжают и хвастаются своим подругам: «Ах, как хорошо я провела отпуск». Ну и хрень!

– Есть идея. Ты слышала про Бабий остров?

– Нет. Но звучит здорово. Мне нужно отдохнуть от моего парня. Может, пока я буду там, он, наконец, вспомнит, как меня зовут, где я работаю и даже когда у меня день рождения.

– Ну, неужели не слышала? Да все газеты о нем писали.

– Я читаю последнее время только «Женский мир». Там что, на этом острове, и вправду мужчин нет?

– Да нет, их там еще больше, чем женщин. Самое скандальное местечко. В общем, вкратце. На острове древний женский монастырь. Туда как-то приехал один святой, встретил двух блудниц и своими проповедями убедил их раскаяться. И они основали монастырь. На острове не полагалось находиться мужчинам, даже скот весь монастырский был женского рода. Всяких бычков, козлов, жеребцов, кобелей

привозили с материка и, когда они свое дело сделают, сразу же увозили. Особенно охотно туда принимали бывших проституток. Остров так и называли – Бабий. Ну, потом, при советской власти, монастырь разогнали. А в девяносто третьем году объявился там ССС.

– Это еще что? Нацистская секта?

– Тоже не слышала? Расшифровываю: Союз свободных сапфисток. У них там колония, вроде как у хиппи. Среди лесбиянок модно туда ездить, везде писали. Ну и вот, пять лет назад в монастыре появились монахи. Они требовали все этих лесбиянок выгнать, говорили, что они оскверняют святое место, и так далее. А те возражали, что мы, мол, пришли первые сюда. Большой был скандалище. Им пришлось остров поделить. Ну, монастырь отошел монахам. С тех пор лесбиянки и монахи постоянно строят друг другу гадости, даже до мордобоя дело доходило. Приезжали журналисты, брали и у тех и у других интервью. Монахи поносили лесбиянок, лесбиянки – монахов, понятное дело. Есть там такой монах Панкратий, ярый гонитель лесбиянок. Еще есть районная администрация, которая хочет в красивой упаковке продать остров туристам-иностранцам. А этого, в свою очередь, не хочет никто – ни монахи, ни лесбиянки. Остров – тихое и красивейшее место с шикарнейшей северной природой. Им там шума не хочется. Так что эти все постоянно делят остров. Есть еще местные жители. Но им на все начхать, они квасят триста шестьдесят дней в году, кроме тех пяти, когда

ловят рыбу – вкуснейшую местную селедку. Туда постоянно приезжают журналисты, туристы, лесбиянки из столицы, православные паломники и трудники – те, которые работают на монастырь бесплатно, со всей России. Там есть несколько гостиниц. Но приезжие в основном селятся в частном секторе. Еще фенька: если ты селишься у верующих, с тебя плату не берут. Но ты обязан каждое утро бывать в храме и соблюдать пост. Если же ты селишься у лесбиянок, то живешь по их правилам. У меня две подруги в прошлое лето ездили и две недели притворялись лесбиянками, ели и пили на халяву и жили в теплой комнате со всеми удобствами. А удобства на острове – редкость. Можем пойти по их пути.

– И пойдём. Я не хочу голодать без мяса и вставать в шесть утра, чтобы торчать в душном храме. По-моему, очень интересное место. А там очень холодно?

– Теперь август, и там сейчас вроде как у нас весной. Но ветры дуют, говорят, сильные. Все-таки сорок километров до полярного круга. Иногда по ночам северное сияние бывает. А зимой туда точно никто не ездит. Зимой там море замерзает и бури сплошные. Кстати, туда можно еще самолетом добраться. Недавно построили аэропорт, и ежедневно летает кукурузник в Архангельск и обратно.

– Ну, раз так, я возьму свою синюю куртку и штаны теплые, черные из вельвета... Знаешь что, бери билеты на четверг. Я за эти четыре дня найду какого-нибудь дурачка, чтобы, пока меня нет, он кропал глупые статьи, советы и тесты.

Мне ведь и вправду надо куда-нибудь съездить. Я уже веду себя как мои гребаные читательницы, которые вечно голодают для пользы фигуры и потому от злости едят своих близких. Не поверишь, я грандиозно поссорилась с мамой.

– Но вы ведь такие друзья. Из-за чего?

– Да из-за мелочи какой-то. Все грандиозные ссоры всегда из-за мелочей. Мы уже две недели не разговариваем. Я если вижу по определителю, что это она звонит, не беру трубку. Понимаю, что виновата. Но прощения не умею просить, ты ведь меня знаешь. Пусть она просит.

– Но послушай, если ты говоришь, что виновата ты, а не она, то почему просить прощения должна она?

– Потому что я его просить не умею. А кто-то ведь должен это сделать.

– У тебя такая хорошая мама, Овчарка. Хотела б я, чтобы она побыла моей мамой хоть денек.

– Да забирай, мне не жалко. Вот я уеду и ей об этом даже не скажу. А мобильник отключу.

– Она будет волноваться.

– Ну и пусть. Позвонит на работу, и ей скажут, что я в отпуске.

– Да она с ума сойдет. Может, тебя кто украл.

– Ну ладно. Тогда я позвоню ей и наговорю на автоответчик, что я уехала отдохнуть на три недели и пусть она мне не звонит, все равно не отвечу. И не смотри на меня так.

– Как?

– Как будто ты – моя совесть.

– А что делать, если ты совесть в детстве на конфетку променяла?

– Ничего я не променяла. Я упертая и вредная, это я знаю. Но совесть у меня есть. Вот что, послушай, а куда же ты Катю денешь?

– Одолжу ее свекрухе.

– Ну и хорошо. Твоя свекруха – просто идеальная бабушка. Возится с ней все время. Вот моя мать знаешь что говорит? «Ты если родишь, на меня не рассчитывай. Хоть я и бабушкой буду, но все силы на ребенка ты должна класть». По-твоему, это правильно?

– А что, нет? Твоя мама очень привлекательная женщина. Ей еще для себя пожить хочется. Да я думаю, это она шутит. Еще ведь и ребенка никакого нет. Вот погоди, родишь, она тебе его и не отдаст.

– Да не хочу я вообще рожать! Я поняла: все люди делятся на тех, кто читает журналы, и тех, кто пишет в них всякий бред. Ни тем ни другим не позавидуешь. Чего я ребенка буду на все это обречь. Ну ладно, кроме шуток. Ты берешь билеты и звонишь мне. Обговорим, что брат. Раз у нас намечается экстремальный отдых, я одолжу у своего парня бинокль. А как там с едой?

– Нормально. Там есть столовые и даже кафе. А вот на дорогу запасайся.

На том они и расстались. Всю неделю у Овчарки было че-

моданное настроение. Она с большим трудом доработала три последних дня.

Они уезжали в ночь со среды на четверг. С самого утра среды однокомнатная квартира Овчарки была перевернута вверх дном. Посреди коридора лежала дорожная сумка цвета хаки. Овчарка решила, что возьмет только самые необходимые вещи. На дно сумки она запихала куртку, запасные джинсы, пару теплых свитеров, кроссовки. Она сложила в пакет шесть пар трусов, майку и футболку. Потом забыла, куда же задевала этот пакет, и бегала по квартире как ненормальная, разыскивая сначала его, потом другой пакет, с мылом, расческой и зубной щеткой. На всякий случай она прихватила цивильные брюки в полоску и белую блузку с отложным воротничком. Она застегнула сумку, только усевшись на нее верхом.

«Васса меня засмеет, – подумала она, – скажет, собралась на год на Северный полюс».

Пакет с продуктами, конечно, в сумку не влез. В сумочку-банан на поясе Овчарка запихала фотик – «мыльницу», маленькую цифровую камеру, паспорт и деньги. Бинокль в чехле уже лежал на дне сумки.

В двенадцать ночи Овчарка вошла в метро. Как водится, в такой поздний час дремали алкаши да целовались обдолбанные малолетки. Овчарка воспрянула духом, когда увидела, что сумка у Вассы такая же большая, как у нее. Они встретились на выходе из метро у площади трех вокзалов.

– Держи кошелек, – посоветовала Васса, – самое воровское место.

И Овчарка положила руку на сумочку-банан на поясе. Они прошли по подземному переходу, где адски воняло мочой, и оказались на платформе. Встали у нужного вагона и стали ждать, когда будут пускать.

– Слушай, – сказала Васса, – ты посторожи сумки, а я пойду куплю книжку. А то совсем нечего в дороге читать.

И она вошла в здание вокзала. Через две минуты объявили посадку. Уже все, кто собрался у вагона, предъявив билеты, вошли внутрь, а Вассы все не было. Овчарку уже начали терзать самые ужасные страхи: Вассу похитили надравшиеся вокзальные сутенеры, ее напоили клофелином и обобрали и т. д. Она поднатужилась и занесла в вагон обе сумки – и свою, и Вассы. Потом вернулась за пакетом. Снова вышла на платформу. Поезд должен пойти через пятнадцать минут. А поскольку у нас никто ничего вовремя не делает, то, пожалуй, только через полчаса и тронется. Она решила постоять еще десять минут, а потом бежать и искать Вассу.

Между тем к вагону скорым шагом шла высокая женщина. Овчарка за время работы в журнале научилась отличать дешевые шмотки от дорогих. Она могла бы поклясться, что белый брючный костюм на ней – от Дольче и Габбаны, что коричневый кожаный плетеный пояс вместе с кожаными бежевыми ботинками тоже из какого-нибудь крутого бутика, и если бы Овчарка вздумала себе купить такие же, то ей при-

шло бы отдать всю свою зарплату за два месяца. Коричневая сумка точно настоящий «Гуччи». Такие дамочки спокойно могут себе позволить летать каждый день «конкордом» на край света и обратно. Зачем ей этот грязный поезд, где вода для чая всегда с ржавчиной, нет биде и простыни вечно рваные? Хотя все богатые с причудами. Захотелось, может, экстрима.

Но где же Васса? Пусть только явится, Овчарка даст ей в глаз, честное слово. Овчарка смотрела, как женщина, стоя к ней спиной, предъявляет билет проводнице. Вернее, не билет, а билеты. Потому что она предъявила четыре билета. Ого, дамочка купила для себя целое купе. Создала себе хотя бы подобие комфорта. Где Васса, черт бы ее побрал. Уже десять минут прошло. Дама уже прошла в вагон. Она за что-то зацепилась сумкой и, чтобы отцепить ее, оглянулась. Овчарка очень удивилась, потому что узнала дамочку.

Где Васса? Овчарка давно уже сбегала бы за ней, но подумала, что, когда она уйдет, Васса может вернуться и, не увидев Овчарки, в свою очередь побежит ее искать. И тогда поезд уедет с их вещами и едой и будет совсем весело. Дикторша сыпала соль на рану, постоянно напоминая, что поезд Москва – Кемь отправится в час тридцать с третьего пути. Овчарка дорого бы дала, чтоб она заткнулась. Ну, Васса! Не похоже это на нее, она всегда такая пунктуальная, Овчарка вечно твердила подруге, что она слишком серьезно ко всему относится. И вот тебе раз. Наконец она увидела, что Васса

преспокойненько идет к вагону с книжкой Акунина в руках.

– Где тебя носит? – разворчалась Овчарка. – Вот жаль, что поезд не отходит. Я бы с удовольствием поглядела, как ты за ним бежишь метров сто, чтобы на подножку прыгнуть, как в фильмах. Прыгаешь, промахиваешься, и тебя увозят в больницу с переломами средней степени тяжести.

– Киоск был закрыт, – оправдывалась Васса, – я пошла искать другой, но он тоже закрылся на пять минут, так было написано на табличке. Я решила, что пять минут подождать можно. Но они растянулись на двадцать. Потом пришла продавщица, ворчливая, как ты, все бурчала, что ей не дают спокойно чаю попить.

Они прошли в купе и проверили, на месте ли вещи.

– Чур я на нижней полке, – заявила Васса.

– Ни фига себе. Сначала чуть на вокзале не осталась, а теперь «чур». Нижняя полагается мне за моральный ущерб.

Но Васса уселась на полку с ногами, и Овчарка только рукой махнула. Соседями у них были женщина лет сорока, издатель детских книжек, и ее четырнадцатилетний сын, который сразу забрался на верхнюю полку и почти не слезал оттуда, слушая плеер и разглядывая порножурналы. Васса и Овчарка запихали сумки под нижнюю полку.

Когда поезд тронулся, они стояли в коридоре у окна. Опустили верхнее стекло, и теплый ветер ерошил им волосы.

– Ты не поверишь, – сказала Овчарка, – мне кажется, я видела, как в наш вагон села Шура Каретная.

– Телеведущая? Лесбиянка всяя Руси?

– А что, есть другая?

– Что ей в этой дыре делать?

– Не знаю, может, раз в жизни решила проехаться на поезде, как простые смертные.

Шура Каретная вот уже десять с лишним лет вела на одном кабельном канале передачу «Другая любовь», которая выходила каждую пятницу с часа до двух ночи. Там всякие зоофилы, нимфоманки и эксгибиционисты рассказывали всей стране трогательные истории о своей нелегкой жизни. На заре перестройки передача и в самом деле была скандальная. Отправив детей спать, добропорядочные россияне жадно приникали к экрану. Однако со временем «Другая любовь» потеряла налет скандальности. И шоу превратилось в подобие «Спокойной ночи, малыши». Овчарка привыкла засыпать по пятницам под голос Шуры Каретной, которая неизменно говорила: «Любите по-другому. С вами была Шура Каретная». Про саму ведущую ходило множество слухов. Конечно, теперь, когда бум пятничного шоу миновал, бульварные листки пережевывали ее личную жизнь гораздо реже, чем раньше. Овчарка считала ее личностью потому, что она ни разу не задала героям своей передачи ни одного глупого вопроса, а ее советы им были действительно полезными и, главное, выполнимыми. К тому же она не проповедовала свой взгляд на вещи, что нечасто встречается у ведущих. Ее мораль была очень привлекательна, и она умела быть ис-

кренней.

«Не важно, какая это любовь и к кому, но раз уж это любовь, за нее не жалко отдать жизнь», – сказала она в каком-то интервью. У нее было море поклонниц и поклонников. Овчарка не сомневалась, что видела сегодня именно ее. Ведущая обладала примечательной внешностью. Смуглокожая, говорили, что ее мать – испанка, с миндалевидными глазами, высокими выдающимися скулами, узкими, но красивыми губами, с уголками опущенными вниз. От природы вьющиеся волосы были всегда разделены на прямой или фигурный пробор и перевязаны черными или блестящими шнурами. Своего стиля она не меняла вот уже десять лет.

– Наверное, едет на остров, – сказала Овчарка, – подцепить себе друга или подружку. Я читала, что она бисексуалка.

– Вопросы ориентации – самые трудные на свете. Вот ты, например, как относишься к лесбиянкам?

– Я к ним не отношусь. Но если кроме шуток, то они мне не слишком нравятся. То, чего не понимаешь, не может нравиться.

– Вот видишь. А был бы тут психоаналитик, он бы знаешь что сказал? Что ты скрытая лесбиянка и у тебя к ним неприязнь потому, что ты втайне такая же.

– Я не похожа на своих читательниц, чтоб слушать бред, который несут всякие там психоаналитики, – фыркнула Овчарка.

Мимо них прошла проводница. Она велела сдать деньги на белье. Сначала стелились мать с мальчиком, а Васса и Овчарка ждали в коридоре.

– У тебя наволочка на подушку налезает? – спросила Овчарка.

– Пожалуй, она даже слишком великовата для нее.

– Давай поменяемся.

Мальчик и его мать сразу легли, а Овчарка стояла в коридоре. Она любила смотреть в окно, но сейчас темно и нечего даже надеяться увидеть что-нибудь интересное. В два часа ночи Васса сходила в туалет умыться.

– Послушай, дай свое полотенце, – сказала Овчарка, – а то они там уже легли, неохота копаться.

Овчарка умылась тоже и пошла спать.

– А ты что же? – спросила она Вассу, которая стояла в коридоре.

– А я подымлю тут потихоньку. Ты иди. Ты ведь не любишь, когда я курю.

– Да уж чего хорошего. Когда только бросишь?

– Когда ты перестанешь грызть ногти.

– Может, я так стресс снимаю. Мои ногти экологически чистые, не то что твои сигареты. Гуд найт.

Васса достала из кармана пиджака пачку ментоловых сигарет, а Овчарка вошла в купе и задвинула дверь. Кто пробовал в почти полной темноте влезть на верхнюю полку, тот знает, как это нелегко. Повесив полотенце на крючок, Ов-

чарка нащупала металлическую лесенку, но не смогла ее раздвинуть – проржавленный механизм заело. Овчарка, чертыхаясь, боролась с ним в темноте. Потом ей это надоело. Она встала ногами на обе нижние полки и, опершись руками на свою полку и полку мальчика, взобралась на свое место. Мальчик и его мама всюду сопели. Овчарка решила не принимать свой феназепам. Она думала о том, что ночью должна быть остановка в Бологом.

Овчарка жила в Бологом в возрасте четырех лет с мамой и отцом. Отец проходил там военную службу. Ее родители закончили институт, и отца, как молодого офицера, призвали на два года. Овчарка совершенно не помнила Боломого. Мама удивлялась, почему она ничего не помнит о нем. Впрочем, кое-что она запомнила.

Как-то в отсутствие мамы папа пришел домой с какой-то тетей. Овчарке дали ее любимую игрушку – желтого плюшевого утенка – и спровадили гулять. Сперва все шло хорошо, но потом злые мальчишки отобрали утенка и закинули его в подвал. Утенка надо было выручать, и Овчарка храбро полезла в подвал. Однако очень уж там было темно, и ей пришлось повернуть обратно. Она отправилась домой попросить папу достать утенка. Папа лежал там с этой тетей, и Овчарка не сразу поняла, что мешать им не стоит. Когда они заметили Овчарку, которая стояла посреди комнаты очень растерянная, они тоже растерялись. Тетя поскорее натянула на себя покрывало, вышитое бабушкой в подарок

маме на свадьбу. Сначала Овчарка подумала, что они просто балуются, но потом увидела, что папа целует эту тетю. Овчарка стала размышлять. Целуют только своих. Мама целует бабушку, потому что она ее мама и потому что мама Овчарки любит свою маму. Папа целует маму в щеку, когда уходит, потому что она его жена и потому что он ее любит. Он целует на прощание Овчарку в нос, потому что она его дочка и он ее опять-таки любит. Но раз папа целует эту тетю, получается, он любит и ее тоже. Но эта тетя чужая, вот в чем дело, и это ставило Овчарку в тупик. Конечно, папа мог на ней жениться тоже. Но этого Овчарке не очень-то и хотелось. Если папа женится на этой тете, а потом еще на пяти тетях, то, пожалуй, станет забывать целовать маму в щеку перед уходом на службу, а мама обидится. К тому же у папы был странный вид. Примерно такой, как у Овчарки, когда она увела со столика в прихожей пятнадцать копеек, купила упаковку подсолнечной халвы и всю ее съела до обеда, спрятавшись во дворе за бойлерную, а за обедом молча ковыряла вилкой картошку с тушенкой, и мама сказала: «Что это Овчарка все только по тарелке размазывает? У тебя, случайно, нет температуры, дружок?» – и потрогала Овчаркин лоб прохладной рукой. И вот теперь папа увел Овчарку на кухню, пока тетя одевалась в комнате, и говорил ей, что маме не надо рассказывать о тете и что он купит Овчарке велосипед, который ей так понравился недавно в «Детском мире» и по поводу которого она там устроила целую истерику. Папа ни-

когда не подкупал Овчарку, и ей стало противно. Она сказала ему, что будет молчать задаром. Теперь не имело смысла сообщать папе об утенке. Раз он с тетей, а ее, стало быть, часто будут обижать мальчишки, то надо перестать бояться темноты. Так что Овчарка направилась к выходу и услышала, как тетя говорит папе:

– Что же ты не запер дверь? Нехорошо, ребенок все-таки...

– Забыл, идиот, – виновато отозвался папа.

Овчарка направилась напрямиком к подвалу и, дрожа от страха, отыскала там в темноте мокрого утенка, который лежал в глубокой луже на полу. Мама не могла найти Овчарку четыре часа.

Сперва Овчарка пошла на вокзал, но совершенно не помнила, что же она там делала. Потом она отправилась на дальнейшее страшное озеро. Папа пугал Овчарку, говорил, что в озере живет Нэсси. Овчарка не знала, как выглядит это Нэсси, доброе оно или злое, но имя звучало угрожающе, и Овчарка старалась держаться от озера подальше. На берегу гуляла женщина с коляской. Она заметила девочку в синем комбинезоне и красной водолазке, которая плакала, стоя в озере по колено. Вода в озере была очень холодная – там били ключи, и женщина решила вмешаться. Мудрая женщина поняла, что перед ней маленькая упрямец и поэтому обычный прием вроде «выйди из воды немедленно» тут не сработает. Она подошла и спросила, что девочка здесь делает.

– Я хочу, чтобы Нэсси меня съело.

– А кто такое Нэсси?

– Не знаю.

– А что же ты плачешь, раз хочешь, чтоб оно тебя съело?

– А я его боюсь, вот и плачу.

– А я этого Нэсси знаю. Ты зря тут стоишь.

– Почему это?

– Потому что он не ест детей. Он ест водоросли. Можешь стоять тут до посинения, но его не дождешься.

Овчарка неохотно вылезла на берег и стала выжимать штанины.

– А если его попросить?

– Не знаю. Трудно есть то, чего не любишь, – сказала женщина.

– Да, – согласилась Овчарка, – но, может, тогда оно согласится съесть папу? Папа-то взрослый.

– Сомнительно. А что тебе сделал папа?

– Когда у него будет пять таких же тетей, как сегодня, у него не останется времени целовать маму и мама обидится.

Женщина сразу все поняла. Она подумала о своем ребенке, который был в коляске, и ей стало жаль Овчарку.

– Тебя как зовут?

– Овчарка.

– А почему у тебя собачье имя?

– Ничего не собачье. Я когда родилась, мама меня кормила, а я все ее кусала. Мама сказала: «Не ребенок, а овчарка».

– Вот что. Иди домой, Овчарка. Тебя мама, наверное, обыскалась. И вот еще что... Если тебе когда-нибудь скверно будет, а мамы рядом не окажется, ты скажи вслух три раза: «У меня есть я и весь мир». Тогда тебе станет легче, это слова волшебные.

Овчарка пошла домой, бормоча под нос, чтоб не забыть: «У меня есть я и весь мир...»

Эту встречу Овчарка запомнила. Так же как тетю на бабушкином покрывале. На нем были вышиты разноцветные круги, и Овчарка любила водить по ним пальцем. Вот только она забыла, что делала на вокзале, куда прибежала сразу после того, как достала утенка. Она там плакала, но что еще она там делала? Она совсем не помнила вокзал. Тогда отец очень ее обидел. В первый раз, но не в последний. Овчарка обязательно хотела дожидаться остановки в Бологом, чтобы посмотреть на вокзал и, может, вспомнить, что она там делала. Она узнала у проводницы, что стоянка в Бологом длится пятнадцать минут, и хотела обязательно выйти на перрон. Но вагон качался, и это качание ее убаюкало. Она заснула почти сразу, но перед тем услышала, как вернулась пахнувшая сигаретами Васса и улеглась снизу. Ночью планировалось еще пять остановок.

Должно быть, Бологое давно проехали, когда поезд снова встал. На этот раз Овчарка проснулась, потому что вагон перестал качаться. За окном светлело. Овчарка рассудила, что Бологое она точно проспала, не стоит и вставать на этом

полустанке. Сонная Овчарка увидела в окно здание вокзала, зеленое, с высоким шпилем, повернулась лицом к стене купе и опять заснула. Перед тем она увидела, что Вассы внизу не было. Наверное, подруге не спится и она опять пошла дымить.

На следующий день Овчарка лежала на животе на своей полке и смотрела в окно. Ей хотелось уловить момент, когда этот почти подмосковный пейзаж кончится и начнется северная природа – маленькие березки и кочки. Она видела большие синие озера, зеленые сосновые леса по берегам. В соседнем купе ехали две девчонки, тоже, конечно, на остров, две малолетки, которые все время держались за руки, обнимались и слушали группу «Тату». Овчарка, как-то налив себе кофе, прошла в купе и раздраженно задвинула дверь, чтоб не видеть этих двух идиоток, которые целовались в коридоре.

– У меня они обе вызывают одно только желание, – сказала она Вассе, – снять с них штаны да и выдрать как следует!

– Будь терпимее. С возрастом пройдет. Это как юношеские угри.

– Пройти-то пройдет. А бедные родители хлебнут горя. Я слышала, как они радовались, что сбежали на остров и предки сейчас с ног сбились, их разыскивая.

– Кого-то они мне напоминают.

– Прекрати. Я наговорила ей на автоответчик. И не надо мне все время напоминать, что я инфантильная эгоистка.

Только я об этом забуду, как ты мне сразу снова напомнишь.

Васса почти весь день не выходила из купе и была немного грустной, говорила Овчарке, что у нее болит голова. Овчарка решила, что подруга думает о своих семейных проблемах, которые на нее навалятся сразу, как только они вернутся в Москву.

Васса предупредила Овчарку, что, когда они сойдут в Кемь, надо сразу бежать на площадь перед вокзалом, потому что ночью там обычно дожидаются клиентов всего два-три водилы и на всех желающих машин не хватит, а им обязательно надо успеть на четырехчасовой катер, чтобы к девяти часам уже быть на острове.

И вот в полтретьего ночи Васса растолкала задремавшую Овчарку. Мать с мальчиком ехали дальше, и Васса с Овчаркой, шепотом разговаривая, вытаскивали вещи в коридор из темного купе. Они, волоча за собой сумки, совершили марш-бросок до площади. К удивлению Овчарки, на площади стояли целых семь машин.

– Я не знала, – оправдывалась Васса перед Овчаркой, которая не могла отдышаться, – мне знакомые сказали. Они тут год назад были. Конечно, за год все могло измениться. Я правда не знала, что машин тут теперь много.

Водитель им попался сонный и неразговорчивый, музыка грохотала на весь салон. В тьме крошечной Овчарка совсем не разглядела Кемь. Они долетели до причала минут за двадцать. По белому песку, покрытому сухими водорос-

лями, они дошли до дебаркадера и здесь узнали, что четырехчасового катера нет и в помине никогда не было и что «Святитель Николай» пойдет только в восемь утра, а может, и позже. Замерзшая Овчарка посмотрела на Вассу сердито. Васса вздохнула:

– Мне знакомые сказали...

– Я бы твоих знакомых утопила в этом Белом море. Вон там бар. Пойдем, а то очень уж холодно.

Вот так и вышло, что утро двадцатого августа Овчарка встретила в маленьком теплом баре «Поплавок» на берегу Белого моря. Когда стало светло и Овчарка проснулась, она оглядела собравшихся в баре. Две вчерашние малолетки из поезда устроились на стульях у стены, и одна спала, положив голову на плечо второй. За тем же столиком, что и Овчарка с Вассой, сидела тепло одетая полная женщина с красным лицом и длинными обесцвеченными и нахимиченными волосами. Еще была в углу девчонка лет восемнадцати, худая, бледная, с депрессушным лицом. Она все время сучила пальцами правой руки или теребила большой золотой лабрис на цепочке. Наверное, в ясную погоду огромное украшение видно было за версту. К большой досаде за столиком, за которым раньше барменша с приятелем пила пиво, Овчарка обнаружила Грушу. Груша писала под псевдонимом Палец-в-рот-не-клади в один бульварный листок статьи вроде «Предприниматель съел свою бабушку» или «Педофил-альбинос зомбирова́л своих жертв». Журналистка ей напомни-

ла о существовании Москвы и «Женского мира», о которых она уже успела немного забыть. Груша уплетала сосиску, читая журнал.

В бар зашел на минуту священник и с ним плохо одетая женщина в длинной цветастой юбке и платке по самые глаза. Они положили свои сумки на пол и, ни на кого даже не взглянув, сразу вышли. Невзрачную паломницу Овчарка не стала разглядывать. Но священник – о! Высокий, лет тридцати, без бороды, но с узенькими усиками и внимательными карими глазами. В лице что-то татарское, Овчарка даже прошептала: «Ну и Чингисхан!»

– Отец Панкратий, – сказала ей Васса, – я его фото в газете видела.

Овчарка удивилась – не таким она представляла себе гонителя лесбиянок с Бабьего острова. Когда он нагнулся поставить сумку, Овчарка успела увидеть, что у него руки с длинными красивыми пальцами, ровными ногтями и тонкими запястьями – на правом деревянные четки. Из-под широкого рукава рясы выглядывал рукав чистой белой водолазки – отец Панкратий явно следил за собой. Овчарка почувствовала, что немного влюбилась в отца Панкратия, и сказала Вассе:

– Вот ты мне скажи, зачем такие красавцы идут в попы? Вот он, допустим, служит, а все женщины думают только о нем, а совсем не о своем спасении. Ну и гордый! Даже не взглянул ни на кого.

Овчарку охватило странное желание – побежать за отцом Панкратием: «Я хоть и с ними, но я не с ними, я хорошая, меня даже полюбить можно!»

В это время Васса сказала:

– Ты пока тут спала, по радио сказали, что будто бы от берегов Шпицбергена идет тайфун «Лорелея». Сказали, что он наверняка по дороге рассыплется в море, но в Мурманске уже объявили на всякий случай штормовое предупреждение. Говорят, что тайфун здесь в августе – жуткая редкость.

– Ерунда, – сказала Овчарка, – никакого тайфуна не будет, уж поверь мне.

– Почему?

– Да потому что мне не везет. Я больше всего на свете хочу увидеть настоящий тайфун. Поэтому-то его и не будет. К тому же смотри, какой день.

В бар вошел грузный мужчина в дорогой спортивной одежде. Он поставил рюкзак на пол, достал оттуда бинокль и вышел. Какой-нибудь отдыхающий мэн из богатеньких, подумала Овчарка. Она решила утеплиться – поддела под джинсы колготки, спрятавшись в углу бара за Вассиным стулом, натянула носки потеплее, достала синюю куртку с капюшоном. Она попросила Вассу взять ей бутерброды с сыром и сосиску и сказала, что пойдет смотреть море.

День был ясный, хотя солнце и пряталось в облаках. Море тихо-тихо шелестело. Овчарка вдыхала соленый воздух

и думала: «Какое оно, оказывается, большое и какое живое. Что-то как будто говорит, какие-то важные слова. Да, ни речки, ни озера не говорят таких важных слов». От вчерашних грустных мыслей об отце и следа не осталось.

«Нет, так не годится, – думала она, – это прекратить надо. А то я как о нем вспоминаю, так сразу чувствую себя маленькой и несчастной девочкой с игрушечным утенком».

Овчарка дошла до дебаркадера. Отец Панкратий с паломницей молились и кланялись, стоя лицом к зарывшемуся в белые облака солнцу. Паломница обеими руками придерживала цветастую юбку, чтобы ее не развевал ветер.

«Корова пуританистая, – подумала Овчарка ревниво, – притворяется праведной, а сама только и думает, как бы его в постель затащить».

И ей сразу же стало стыдно, потому что женщина наверняка и в мыслях не имела такого. Вот так всегда бывает, если по себе судишь.

И тут Овчарка увидела Шуру Каретную. Она сидела на самом краю дебаркадера, на металлическом кнехте. Коричневая сумка «Гуччи» стояла рядом. Ведущая завернулась в красный клетчатый плед и смотрела куда-то в море, как будто хотела разглядеть вдали Бабий остров, который увидеть отсюда было невозможно. К ней пристала облезлая, но толстая колли. Каретная кормила ее печеньем, а сама глаз не отводила от моря. Наконец, печенье кончилось, и колли направилась к Овчарке, ткнула ее в руку холодным носом, мол,

и ты мне дай что-нибудь. Но у Овчарки в карманах ничего не было. Колли стала повизгивать, клянча что-нибудь вкусненькое у Овчарки. И тогда Шура Каретная обернулась, увидела Овчарку и улыбнулась ей. Потом снова стала глядеть вдаль. Овчарке самое время было что-нибудь сказать, но слова почему-то не шли с языка. Каретная сидела от нее в десяти шагах, но казалась очень далекой. Овчарка подумала, что ее и задумчивую ведущую разделяет сто километров и даже больше.

Поскольку возможность заговорить с Шурой была упущена, а Овчарка никогда не была приставучей нахалкой вроде Груши, она зашагала по дебаркадеру прочь. Нечего стоять над душой у Каретной. Овчарка видела, что она думает о чем-то важном. Шагах в двадцати от Овчарки стоял мужик-турист и в бинокль разглядывал противоположный берег залива, подкручивая колесико, которое регулировало резкость. Чайки визжали над морем. Прошла минута, и турист отнял бинокль от глаз. У Овчарки в животе похолодело, как будто там вдруг разлилось литров пять ледяной воды.

Она подошла ближе, чтоб убедиться: не ошиблась ли. Колли шла за ней по пятам.

Овчарку оттащила от туриста Васса.

– Сука, проклятая сука! – орала Овчарка, вырываясь. – Утопить бы, да и то мало будет!

Овчарка дралась не по-женски. Она пустила в ход не ногти, а кулаки и разбила мужику в кровь верхнюю губу и нос.

Все посетители бара «Поплавок» высыпали на улицу понаблюдать схватку. В общем и схватки-то никакой не было – просто Овчарка налетала на мужика, а он только закрывался от нее руками и, надо сказать, ни разу ее не стукнул. Овчарка уже начала теснить его к краю дебаркадера. Кроме того, колли почему-то решила, что нападают на Овчарку, и вцепилась зубами мужику в штанину. Васса никогда еще не видела Овчарку в такой ярости. Впрочем, Овчарка как-то быстро успокоилась, но, когда Васса ослабила хватку, вырвалась и напоследок засветила мужику кулаком прямо в глаз.

– Чтоб ты подох, урод вонючий! Не успокоюсь, пока не урою мудака!

Груша смотрела во все глаза. Она так надеялась, что Овчарка выхватит нож и пырнет им мужика. Наверное, это ее бывший любовник. Вышел бы прекрасный материал под названием «Беломорская поножовщина». Но перочинный нож Овчарки остался в сумке, которая стояла в «Поплавке» под столом. К тому же, после того как Овчарка двинула мужика в глаз, Васса скоренько отвела ее к бару. Груша сбегала в бар, купила там мороженое и, примчавшись обратно, дала мужику, чтоб он его приложил в заплывающему глазу, и предложила ему свой платок вытереть кровь. Она надеялась разговорить его, но мужик только улыбнулся, хлопая разбитым носом, и сказал:

– Вся в меня! Как порох, ничего не скажешь. Да и я хорош. Заслужил.

Груша хотела вытянуть из него еще что-нибудь, но тут подошел катер «Святитель Николай», и все рванули в бар за сумками. Груша, собственно говоря, была в отпуске, но желание подзаработать не покидало ее даже на отдыхе.

– Ты чего на него? – спросила Васса подругу, пока они шли к причалу. Васса следила, чтоб расстояние между Овчаркой и мужиком, который шел впереди, было не менее двадцати шагов.

– Этот мудака – мой папаша, – буркнула Овчарка, – Васса, я не могу просто, честное слово! Подходит, будто мы вчера только виделись. «Как ты, как мама», – спрашивает. «Твоими стараниями». Он ведь, козел, в суд липовую бумажку принес, что у него зарплата три рубля, лишь бы ничего не платить. Лыбится, стоит, как будто так и надо. Ты меня знаешь, я даже букашку зря не раздавлю, потому что она тоже жить хочет. Мне, говорит, так надоела эта заграница, там Куршевели разные. Так я, говорит, жену свою с сыном Павликом в Италию на месяц отправил, а сам сюда, на отечественную природу посмотреть захотелось. Тут я уж не выдержала. На месте этого Павлика должна я быть! Он роскошествовал тринадцать лет. Мне хрен! У него все! А у меня только мать с нервами, которые муженек этот ей издергал!

– Вот тебе и приехали на остров, – выдохнула Васса, пересчитывая деньги на билет.

– Ничего, я даже рада, – сказала Овчарка, доставая бумажник, – если и не урою его, то все равно он у меня наплачется.

Я ему такое устрою, что он будет отсюда бежать и кричать, что забыл, как маму зовут. Такого пинка наподдам, что будет лететь, свистеть и радоваться.

– Мы ведь отдыхать едем, – робко напомнила ей Васса, – нервы подлечить.

– Вот это и будет отдых самый лучший. Если я пойму, что он меня после острова этого вовек не забудет, меня это так зарядит, что я смогу еще два года подряд без единого отпуска сочинять дурацкие советы, вот увидишь.

Они взошли по трапу последними. Овчарка оглянулась и увидела, что Шуры Каретной на дебаркадере не было. Наверное, она села на катер одной из первых. Овчарка заметила, что Шура смотрела на драку с интересом и словно ободряла Овчарку взглядом. Зато отец Панкратий глядел на рукоприкладство с явным осуждением и отвращением. Когда Овчарка увидела священника впервые, ей даже пришлось на ум переодеться паломницей, найти какой-нибудь повод, чтобы с ним поговорить, и постепенно влюбить его в себя. Теперь после драки он наверняка накрепко запомнил ее лицо. «Да и глупо это – быть плохой и притворяться хорошей. Это еще хуже, чем просто быть плохой», – думала Овчарка. Ее только сейчас перестало трясти от злости после разговора с папашей.

Когда «Святитель Николай» отошел от причала, Овчарка окончательно вернула себе душевное равновесие. Она даже помогла двоим матросам выбирать якорь, держась за крае-

шек лебедочной ручки. Овчарка никогда не думала, что это такое трудное и долгое дело. Потом она разговорилась с одним из моряков. Пассажиры побросали вещи на палубе и оглядывали берега. Женщина с обесцвеченными волосами достала камеру, а отец Овчарки не отнимал бинокля от глаз. Переваливаясь с боку на бок, катер выходил на глубоководье. Вышло солнце. Опершись о металлические перила, Овчарка разговаривала на носу с моряком, стоя так, что загроживала собой надпись «Берегись швартовых».

– А что, – спрашивала она, – если в воду случайно упасть, то сколько продержишься?

– Ну, если плавать можешь и ноги сразу не сведет, минут семь. А если не умеешь... – парень махнул рукой, – вода ледяная. У нас в прошлом году какой-то напился и с дебаркадера упал. Выловили, и даже живого. Бог пьяных любит.

– Значит, в «Титанике» наврали, – заметила Овчарка, – они там в воде бултыхаются минут тридцать и все говорят о том, как они друг друга любят.

Но парень сказал, что «Титаник» не смотрел, потому что он верующий и телик вообще не смотрит, только новости, и то редко.

Солнце пригревало, и Овчарка распахнула куртку. Однако солнце вдруг заволокло тучами, задул ветер. Пассажиры один за другим перешли с вещами в каюту. Овчарка застегнулась. Груша задержалась на палубе, надеясь, что Овчарка опять кинется на своего отца. Но мужик с разбитым носом

спустился в каюту одним из первых, в то время как Овчарка осталась на палубе. Тогда спряталась в каюту от ветра и Груша.

Она знала Овчарку. Везучая девчонка, ей бы, Груше, такую работенку, с хорошими бабками и без нервотрепки. Ноги, конечно, пока кормят, но всю жизнь ведь так не будет.

Овчарка рассматривала в бинокль далекие холмистые берега. Вот эта цепь холмов похожа на беременную женщину, которая выгнулась от родовой боли, а вот тот холм, пожалуй, на собаку.

Ушли оба матроса. Васса стояла рядом с Овчаркой, держа чехол для бинокля. Когда она совсем продрогла, так что у нее даже нос покраснел, она сказала:

– Я вниз пойду, а то совсем замерзла. Приходи и ты, а то весь отпуск проваляешься на острове с простудой. Послушай, мне кажется, что не случайно твой отец тут очутился. Это судьба. Наверное, Бог хочет, чтоб вы...

– Убили друг друга?

– Нет.

– А что, помирились? Слушай, – сказала Овчарка, резко опуская бинокль, – может, когда-нибудь эта мысль и придет мне в голову и я от нее даже не взбешусь. Но теперь я об этом и слышать не хочу. Вот представь, вдруг твой папашка объявился, которого ты и в глаза не видела ни разу. Что, на шею ему кинешься, крича «Здравствуй, папочка!», да?

– Нет, конечно. Я просто сначала попробую его понять,

хоть немножко.

– Понять? Даже не пытайся, подружка! Нам никогда не понять, почему они делают детей, чтоб потом от них сбежать к первой попавшейся шлюхе!

Васса вздохнула, взяла свою сумку и пошла в каюту. Упрямая Овчарка торчала на носу, пока не замерзла. Потом она решила, что за рубкой рулевого ветер, наверное, потише. Она занесла свою сумку цвета хаки в каюту и отправилась на корму. Здесь она обнаружила Шуру Каретную. Ведущая сидела на лавочке, что тянулась вдоль всей кормы, по-прежнему завернувшись в красный плед. Только теперь она не смотрела на море задумчиво, а что-то сосредоточенно писала в органайзере в кожаной коричневой обложке. Овчарка могла с кем угодно поспорить на что угодно, что это дневник. Груша наверняка продала бы душу рогатому, только чтобы хоть разок заглянуть в него, подумала Овчарка. Господи, даже если на Шуру Каретную надеть кофточку с рынка и джинсы из перехода метро, все равно всем будет казаться, что это дорогие бутиковые шмотки.

«К тому же она везде хороша. Везде она на месте – в Москве ли в каком-нибудь клубе, в телестудии или на Белом море», – думала Овчарка.

Она смотрела, как пикируют чайки на пенистый след позади корабля, потом садятся на воду, аккуратно сложив крылья, и покачиваются на волнах, смотрят вслед уходящему катеру.

«Вот сейчас я к ней подойду и заговорю, – решила Овчарка, – а что я ей скажу? Про телешоу говорить не надо, ей и так все время о нем говорят. У нее такой неприступный вид».

Тут Овчарка вспомнила про колли на причале. «Скажу: «Вы, наверное, собак очень любите. И собаки вас любят, а они плохих людей не могут любить». Не может же она на это обидеться. А если обидится? Эх, почему я не Груша! Правильно говорят, что наглость – второе счастье».

Овчарка впала в ступор, как это всегда с ней бывало, когда она очень уж разволнуется. Тут ведущая подняла глаза и поглядела на Овчарку. Овчарка тогда сделала вид, что она пришла на корму только затем, чтоб сходить в туалет. Она с трудом открыла металлическую дверь и юркнула в кабинку. Овчарка решила, что раз уж зашла, то надо пописать. В сортире дуло во все щели, и у Овчарки даже немного замерзла попа. Туалетную бумагу заменяли газеты, которые от сквозняка разлетались по всему полу. Натягивая джинсы, Овчарка сумела оценить по достоинству юмор моряков – над дыркой в полу, которая была вместо унитаза, висела табличка в позолоченной рамочке с надписью красивыми готическими буквами: «Господа! В целях вашей безопасности вас снимают скрытой камерой!»

«Пойду в каюту, – подумала Овчарка, – может, там мне предложат ананасов в шампанском, смеху ради. Или на худой конец Васса нальет мне чаю из термоса».

Она отправилась к прочим пассажирам. Ведущая продол-

жала сидеть и писать в органайзере серебряным карандашом.

Овчарка шла вдоль борта и думала о том, что Шура Каретная особенный человек. Она каким-то образом меняла все вокруг себя, хотя сама вряд ли что-нибудь для этого делала. Она села в поезд, и поезд как-то сразу изменился. Она оказалась на причале, и причал вдруг стал совсем другим.

Накрапывал дождь. Овчарка, пройдя по пустой палубе, юркнула в каюту. Кают было две – из верхней можно попасть в нижнюю, спустившись по узкой железной лестнице. Верхней по мере сил попытались придать цивильный вид: постелили на пол потертый коврик, поставили столик со стаканами. Дождь колотил по большим окнам верхней каюты. Нижняя была гораздо грязней, сумрачней, зато больше верхней, здесь имелись изодранные диванчики из кожзаменителя, на которых пассажиры при желании могли немного вздремнуть.

Сначала Овчарка сидела рядом с Вассой на деревянной лавке в верхней каюте. Напротив них разместились отец Панкратий с паломницей. Еще на полу в углу сидела Груша, щелкая кнопками мобильного телефона. А на стуле с ней рядом – женщина с вытравленными длинными волосами, которая снимала на камеру из окна. Остальные спустились вниз.

Отец Панкратий рассказывал паломнице, мрачной женщине с низко надвинутым на глаза платком, о том, как недавно покосился купол главного собора (это произошло сразу после того, как какой-то депутат, расчищая себе место под

дачу, вырубил на берегу четыреста танцующих березок), и о том, как все возмущались поступком этого депутата.

«Дачку в таком красивом месте – губа не дура», – подумала Овчарка.

Еще отец Панкратий говорил, что на берегу бухты должны были установить новый поклонный резной крест, который в монастыре делали целых полгода, а те, кто должен был ставить, запили, и крест так и мокнет по сию пору под дождем. А споили работяг, как говорят, эти безбожницы. Нарочно.

Глаза отца Панкратия горели праведным гневом. Просто инквизитор какой-то, который еретиков поносит. Его спутница никак не реагировала на эти обличительные речи.

«Такой красивый, а тараканы в голове, – подумала Овчарка, – он явно считает себя призванным Богом на борьбу с лесбиянками острова».

Она минут на двадцать спустилась вниз, полежала на диванчике, но заснуть не получилось.

Море разгулялось, и зеленые волны захлестывали иллюминаторы нижней каюты. Овчарка поднялась наверх. Никто из спавших внизу не проснулся. Овчарка неприязненно поглядела на своего отца, который спал с широко открытым ртом. Поколотить спящего она считала ниже своего достоинства. Поднявшись наверх, она увидела, что Васса роется в своей сумке.

– Чехол от бинокля не у тебя? – спросила она у Овчарки.

– Нет. Это ты его держала.

– Значит, на палубе остался. Пойду схожу.

– Дохлый номер. Его давно ветром сдуло.

– Может быть, нет. Я его повесила там на какую-то железяку. Пойду погляжу. – И Васса вышла.

Она вернулась минут через семь очень довольная – чехол она нашла. Потом женщина с вытравленными волосами убрала камеру, вытащила из сумочки на поясе сигареты «Вог» с бензиновой зажигалкой и отправилась наружу покурить. Только она вернулась, снизу, прихрамывая, поднялась та самая тощая девчонка с депрессушным лицом и безжизненным голосом осведомилась у сидящих в верхней каюте, как найти туалет. Овчарка ей объяснила, добавив:

– Это не туалет. Гальюн – самое подходящее для него название.

Девчонка ушла. Ее не было около двадцати минут, а потом она вернулась, по-прежнему очень бледная. Так что женщина с вытравленными волосами предложила ей леденцы от укачивания.

– Нет, не надо, – сказала девчонка, – меня не укачало, просто отравилась чем-то, наверное, еще в поезде.

И она отправилась вниз причаль.

В это время они как раз проходили маленький, метр на метр, островок, на котором был вкопан большой крест. Отец Панкратий с паломницей сразу перекрестились и заспешили наружу помолиться. Они вернулись минут через пятнадцать. До острова осталось не менее часа пути.

Овчарку начало укачивать. Из окна верхней каюты она видела, как нос катера опускался, и тогда ее желудок опускался тоже, когда же нос поднимался, желудок подпрыгивал. Овчарка старалась не смотреть на пляшущий горизонт. Она читала, чтобы перестало мутить, надо смотреть на неподвижную точку. Так она и сделала – двадцать минут подряд не отрывала взгляда от деревянной полочки на стене. Однако это не помогло. Она пошла наружу. От свежего воздуха ей стало лучше. Она стояла у борта, глубоко дыша.

Тоже мне героический журналист. Никого не мутит, кроме нее. Подумаешь, шторм в три балла. Железная дверь закрипела, наружу выбрался отец Овчарки и, хватаясь за поручни, заспешил на корму, в сортир. Овчарка сделала вид, что не заметила его.

«Было б мне получше, точно б утопила», – подумала Овчарка и сглотнула съеденные в «Поплавке» бутерброды, которые стояли в горле. Не хватает еще накормить чаек на глазах у этого уroda. Слава богу, плавание почти кончилось, не то Овчарка непременно испортила бы форму содержанием.

Все вылезли из кают, появился знакомый уже Овчарке моряк с перьями от подушки в волосах. Он поглядел на зеленую Овчарку и рассмеялся. Сумки снова свалили на носу. Все ждали, когда из-за мыса, поросшего соснами, покажется Бабий остров. Овчарку все это не волновало, ей хотелось только ступить на твердую землю, и все. Она уже решила, что выбираться с острова на материк будет только на само-

лете-кукурузнике, во сколько бы это ей ни обошлось. Шурры Каретной видно не было, наверное, она все еще сидела на корме. Сходить бы посмотреть, но Овчарке казалось, что, если она сдвинется со своего места у борта, ее точно вырвет. Катерок мотало все сильнее.

Показался остров. Отец Панкратий с паломницей кланялись и крестились на серебристые луковицы куполов, женщина с вытравленными волосами снимала на камеру, Груша щелкала фотоаппаратом, отец Овчарки разглядывал остров в бинокль. Васса тоже вытащила свою «мыльницу» и хотела было попросить Овчарку щелкнуть ее на фоне далекого пока острова, но увидела, что Овчарка просто посерела. Она сходила и попросила у женщины с вытравленными волосами леденец от укачивания. Овчарка сунула его в рот, и, когда Васса через пять минут спросила, не лучше ли ей, она лишь безжизненно махнула рукой. Овчарке было так худо, что она и не говорила, опасаясь, что желудок совсем взбунтуется. Когда «Святитель Николай» вошел в бухту Благополучия и пришвартовался, Овчарка первой рванула по трапу, едва его только перекинули, и, волоча за собой тяжеленную сумку цвета хаки, припустилась прочь от причала. Васса с трудом поспевала за ней. После этот эпизод они с Вассой вспоминали со смехом.

Они миновали монастырь и поднялись в гору. Васса объяснила, что, по словам знакомых, лесбиянки живут за холмом.

– Я бы больше не доверяла рассказням твоих знакомых, – заявила Овчарка, начиная приходить в себя.

Они шли по грунтовой дороге, очутились на площади, где было кафе, две столовых, магазин галантереи и два продуктовых магазина. По площади расхаживали в большом количестве бродячие псы и бродячие коты. Здесь же рыскали в траве куры и гуси. Проехал мужик на мотоцикле, гоня перед собой рыжую корову. Пропылил ментовский газик. Овчарка ожидала увидеть розовые парочки, валяющиеся под каждым кустом, или толпы голых женщин, пляшущих при луне амазонские танцы. Но все было тихо, мирно и благостно. С трудом верилось в то, о чем постоянно писали в столичной прессе.

Овчарка перед отъездом покопалась в Интернете и вдоволь начиталась статей о том, например, как отец Панкратий с позором выставил какую-то лесбиянку из храма, а она, обидевшись, вернулась домой, собрала подруг и призывала их пойти громить кельи монахов. Слава богу, до погромов дело не дошло.

Овчарка и Васса миновали площадь и зашагали дальше по улочке, ведущей вдоль пресного озера. На Бабьем острове были в основном деревянные бараки, двух-или реже трехэтажные, которые остались еще с советских времен. Но встречались и просто деревенские дома, каких полно в Подмосковье. Нигде не было видно толп лесбиянок, радушно предлагающих дармовое жильё коллегам по ориентации.

– Может, нам взяться за руки или идти в обнимочку, как те две малолетки из поезда? – сказала Овчарка.

– Не валяй дурака. Вон женщина какая-то. Давай у нее спросим.

В палисаднике грузная краснолицая дама в потертых трениках и оранжевой майке с надписью «Олимпиада-80» вешала белье на веревку. Васса подошла к забору и спросила, не может ли она сдать комнату ей и подруге недели на две – на три.

Женщина не слишком-то походила на лесбиянку. Овчарка ни разу не видела настоящей лесбиянки. Скорее всего, это обычная местная баба, а дома у нее трое сопливых ребятишек и муж-алкаш. По крайней мере, такой у нее был вид. Очень уж гетеросексуальный. Когда она поднимала руки, чтоб повесить очередную шмотку, были видны черные мохнатые подмышки, по меньшей мере года три не видевшие ни бритвы, ни даже ножниц.

– Из Москвы, девочки? – спросила она.

– Ага, – ответила Овчарка.

– А из какого района?

– Мы обе из Измайлова, – сказала Овчарка.

– А где вы там живете?

– Я на Тринадцатой Парковой, а она на Первой.

Выяснилось, что дама родилась и жила в Измайлове, а девять лет назад переехала сюда с подругой и с тех пор живет тут круглый год. «Девять лет вместе живут, – подумала Ов-

чарка, – и обычные-то люди редко столько выдержат, чтобы все время вдвоем».

Женщина сказала, что комната у нее есть, и повела Вассу и Овчарку ее смотреть.

– Если понравится, платить не надо. Живите, раз люди хорошие, – говорила женщина, пока они шли по коридору.

По меркам острова она жила роскошно: почти городская квартира с водопроводом и городским унитазом вместо дырки во дворе. На кухне была, правда, белоснежная печка. Здесь у газовой плиты хлопотала тоненькая девушка лет двадцати пяти в халатике. О ее голые ноги терлась полосатая кошка. Девушка пробовала ложкой суп. Она улыбнулась вошедшим, потянулась за солонкой и продолжала звенеть ложкой.

«Настоящая семейная идиллия», – подумала Овчарка.

В комнате, которую показали Вассе и Овчарке, был ковер и даже пианино. Васса незаметно показала Овчарке большой палец, мол, перекантуемся с комфортом. Вот только холодновато было в комнате. Но позже подруги поняли, что на острове нет отапливаемых комнат. Топят здесь только зимой, а летом лишь по большим праздникам. Считается, что летом в деревянных домах и так тепло. На самом же деле дощатые дома защищают только от ветра, но не от холода.

Может быть, Овчарка и Васса и прожили бы три недели на острове, не выбегая по нужде во двор и не умываясь по утрам ледяной водой из ржавого рукомоиника, если бы Ов-

чарка не сваяляла дурака. В комнате стоял разложенный зеленый диванчик. Для одноместной кровати он был широк, для двухместной узок. Больше никакого спального места не наблюдалось. И простодушная Овчарка ляпнула:

– А кровать что, одна? – после чего они вновь оказались на пыльной дороге с тяжелыми сумками, оттянувшими им руки. Они побрели в обратную сторону.

– Извини, вырвалось, – оправдывалась Овчарка, – мы могли бы там, конечно, и вдвоем уместиться, не убыло бы от нас. Но, знаешь, все, что ни делается, то к лучшему. Не годится обманывать людей три недели подряд.

Они вновь очутились на площади. Здесь Овчарка увидела, что к стене магазина приклеено объявление о сдаче комнаты на улице Полярной, в доме семь. Они спросили у азербайджанки, торговавшей у магазина дешевыми шлепанцами, где эта улица, и отправились туда. У Овчарки ноги отваливались. Но пришлось спуститься с холма, пройти вдоль бухты, обогнуть монастырь, потом вновь подняться в гору и не менее километра еще шлепать по бетонке, спотыкаясь о металлические скобы на ней. Они нашли дом.

– Если они ее сдали, я повешусь, – простонала Овчарка, поставив сумку и с трудом разгибая спину.

Васса поднялась на крыльцо и постучала в дверь. Вышла глуховатая старушка. Вассе пришлось громко объяснять, что они насчет комнаты, а не за сушеными грибами и черничным вареньем. Бабкин дом был без всяких удобств. Туалет

за огородом, вода в колонке дальше по улице. Правда, вид из окон на монастырь был хорош. Они сразу сговорились о цене, но старушка как-то мялась, потом, очевидно, сама на себя рассердилась за нерешительность и в конце концов грозно спросила:

– А вы, случаем, не из этих?

Овчарка испугалась, что их выгонят. Лесбиянки выгнали их, потому что они не лесбиянки. А старуха их выпрет, потому что подозревает, что они одни из них. Она сказала торопливо:

– Нет, бабушка, мы просто дружим.

– Ну, вот и ладно. Распаковывайтесь, а белье я вам сейчас принесу.

Овчарка бросила сумку и рухнула на продавленную койку, покрытую засаленным покрывалом. Васса свалилась на соседнюю.

В пять вечера Васса по дороге из турбюро встретила Овчарку, которая ходила поглядеть монастырь. В пакете Овчарка несла что-то круглое, завернутое в бумагу.

– Сияешь?

– Сияю, – отозвалась Овчарка.

Они с детства так говорили друг другу вместо «привет». Был такой советский фильм про Красную Шапочку. Там две звезды встречаются и одна другую спрашивает: «Сияешь?» – а та отвечает: «Сияю».

– Что это у тебя?

– Классный, еще теплый пирог с брусникой из монастырской пекарни.

– Ого! Пойдем скорей домой и съедем его.

– Пошли лучше в столовку там, на площади. Нормально поедем. Я хочу большой кусок жареного мяса, какого-нибудь супа и чая. Мне за два дня дороги осточертела сухомятка. Ну а на десерт съедем пирог.

– Идет. Я в турбюро заказала нам на завтра поездку на Заячий остров. Еще есть экскурсия на высокую гору с древним маяком. Но мне сказали, что туда можно добраться и на великах, которые дают напрокат. Монастырь тоже можно самим осмотреть. А если идти от поселка вон в ту сторону, придешь к каким-то древним развалинам и каменному лабиринту.

– Ненавижу экскурсии, – сказала Овчарка, пока они шли к столовой, – там все время какая-нибудь дама тараторит, так что и разобрать ничего нельзя. Кроме того, она все время спешит, как на пожар, волочит всех и не дает им ничего толком посмотреть.

В это время Овчарку и Вассу окликнули. Это оказался моряк, с которым Овчарка болтала на «Святителе Николае». Он спросил, не забыли ли они на катере что-нибудь из вещей.

– Вроде нет, – сказала Овчарка, – а что?

– Да кто-то оставил на корме под лавкой сумку, коричневую, кожаную.

– Это, наверное, Шуры Каретной, ведущей, – ответила Овчарка, – только у нее такая была. Очень странно. Она не из тех, по-моему, кто забывает свои вещи.

– А вы не знаете, где она поселилась?

– Нет, мы как на берег сошли, больше никого не видели с катера, – сказала Васса.

Овчарка озадаченно почесала нос.

– А она точно на острове сошла?

– А куда ж она делась? Конечно сошла, – отозвался парень.

– А вы видели, как она сходила?

– Да не помню я! Что я, приставленный к ней, что ли? И что мне с барахлом с этим теперь делать?

– Может, в ментовку отдать? – предложила Васса.

– Еще чего, тащиться до нее! Это ж совсем далеко, я ведь не нанялся! – У парня сделалось совсем проблемное лицо. Наконец он сказал, что оставит сумку в палатке на причале, где его приятель Аслан торгует, и повесит там же и еще у монастыря объявление. – Да и вы, если встретите ее, скажите, чтобы пришла и забрала.

Овчарка кивнула, и они с Вассой пошли дальше. Еда в столовке была совковая, как и сама столовка. Зато цены не кусались. Овчарка умяла отбивную, капустный салат и гору хлеба. Потом она вытянула ноги под столом, прихлебывала чай, ела брусничный пирог и чувствовала, что ее начинает клонить в сон. Васса тоже казалась довольной.

– Жаль, что я не видела, сошла Каретная на берег или нет. Но очень уж скверно мне было. А ты ее не заметила? Она была в белом костюме, – спросила Овчарка.

– Нет. Я изо всех сил старалась тебя догнать.

– Я рада, что остров оказался таким большим, – сказала Овчарка немного погодя. – Моему проклятому папаше надо благодарить за это Бога. Я могу спокойно прожить тут три недели и ни разу с ним не встретиться. Кстати, я в Интернете читала, что здесь совсем нет преступности. Все знают всех, а с острова нельзя выбраться так, чтобы никто не заметил. Но если я все-таки встречу своего папашу, вот увидишь, я испорчу им всю статистику. Куда мы пойдем теперь?

– Пошли посмотрим каменный лабиринт.

– Это далеко? Что-то мне все лень.

– Километров восемь. Пошли, растрясем весь этот обед.

Овчарка крикнула официантке:

– Посчитайте нам, пожалуйста! – а когда Васса полезла за кошельком, остановила ее: – Сегодня плачу за нас я, а завтра ты, и так далее, договорились? Чтоб по справедливости.

Они миновали «розовый» сектор, прошли березовую рощу, оставили позади какую-то дорогую гостиницу из красного кирпича и остов давно сгоревшей больницы. Вообще на острове было всего пять приличных зданий – лесхоз, турбюро, почта и два крутых отеля. Все остальное напоминало зону из фантастических книжек – бараки, домишки покосившиеся, всюду валялись куски арматуры, всякие желе-

зяки, трухлявые старые столбы и дырявые лодки. На досках грелись на солнце ящерики, в траве шныряли коты.

Когда однажды, погуляв по поселку, Овчарка зашла в туристическое бюро, где только сделали полы с подогревом и установили поглощающие звук европейские стеклопакеты, ей показалось, что она попала в другой мир.

Ее спросили, не она ли заказывала Интернет на три часа дня. Все эти крутости были аванпостом, где сумел закрепиться местный начальник администрации, который хотел сделать из Бабьего острова модный международный туристический центр с большой пользой для своего кошелька.

Овчарка и Васса шли, по пути собирая чернику.

«Здесь все не как у нас. Даже земля, по которой ступаешь, какая-то твердая, гораздо тверже нашей», – думала Овчарка.

Денек выдался серым, но дождь кончился. Когда они вышли к морю, начало темнеть. Лабиринта нигде не было видно. Обратно они шли по берегу, насобирали немало черных ракушек, среди которых попадались и нераскрытые. Они пытались отлепить их от камней, но улитки вцеплялись в них мертвой хваткой. На песке валялись кучи желтых водорослей, похожие на мочалки. Овчарка нашла тяжелую железяку, обвязанную пеньковой веревкой. Васса, стоя на плоском валуне, вытаскивала из воды камешки. Те, которые, высохнув, начинали блестеть, она клала в карман, а которые не начинали, бросала обратно. Овчарка насобирала плоских камней и пускала блинчики по воде.

Васса набрала много розовых кварцев, когда их нагнало стадо черно-белых грязных коз. Одна из них, которая была поменьше остальных, подошла к Овчарке, посмотрела на нее желтым выпуклым глазом, ткнулась ей в руку, а потом отправилась к воде и сделала глоток. Козы набрали на холмик ярко-зеленых брусничных листьев и стали есть. Васса и Овчарка обогнали их.

Но маленькая коза не осталась со своим стадом. Она побежала за Овчаркой, звеня бубенчиком. Овчарка ее погладила, и теперь отогнать животину стало вовсе невозможно. Васса потешалась от души.

– Ну ты и Эсмеральда. Давай я тебя с ней сфотографирую, а ты сделай вид, что танцуешь по-цыгански.

– Не смешно, – отозвалась Овчарка, – я здесь ни при чем. Меня еще с детства все животные обожают. Ну ты, кыш! – Она замахала на козу руками. – Кыш! Ты нас со своим стадом перепутала! А ну пошла!

Коза отбежала на несколько шагов, но, выждав некоторое время, снова поцокала за Овчаркой. Они повернули от моря с расчетом скоро выйти на дорогу, что вела к монастырю, – к этому времени уже почти смерклось. Но они шли по тропинке долго, а широкой дороги все не было.

Вдруг они увидели двух девчушек лет по шесть с льяными волосами, которые собирали чернику. Дети нисколько не испугались, когда перед ними появились Овчарка с Вассой и коза. Овчарка спросила у них дорогу. Оказалось, что они

не так уж и заблудились – дорога была почти у них под носом. Овчарка и Васса шагали к поселку. Овчарка шла под впечатлением.

– Вот ты можешь у нас представить где-нибудь в Подмосковье такую картину – два ангелочка в лесу почти ночью ягоды собирают! Прямо старина какая-то. Владимир Красное Солнышко! Им ведь и правда некого бояться. Лес знают, не заблудятся, педофилов не наблюдается, зверей тоже нет.

– Здесь самый страшный зверь – комар. Я уже вся чешусь. А ты?

– И я. Мы правильно сделали, что сюда приехали. Этот остров действительно особенный.

Когда они вернулись домой, было совсем темно. Вместе с темнотой пришел дождь. Полил сразу и очень сильно. Они шли по поселку, а коза как привязанная бежала за ними. Какой-то мальчишка на велике дурашливо замемекал им вслед. Овчарка рассердилась. Васса долго стучала в дверь. Наконец пришаркала старуха, скинула крючок и спросила, чего им надо. Васса сказала, что они тут живут.

– Если эта склерозная бабка нас не вспомнит, придется идти на берег и ночевать под какой-нибудь лодкой. Я бы в общем-то не прочь, но только в хорошую погоду, – сказала Овчарка.

Однако их узнали, и впустили, и даже напоили чаем. За окном лило как из ведра. Подруги разделись, намазались одеколоном, чтоб не чесались комариные укусы, и улеглись.

Они долго лежали молча. Наконец Овчарка сказала:

– Холод жуткий. Согреться не могу.

– Ага. У меня ноги ледяные.

– Послушай, давай сверху куртки положим и еще какое-нибудь барахло. Теплее будет.

– Давай.

Они вылезли из кроватей и, ступая на цыпочках по холодному полу, направились к своим сумкам. Они навалили поверх одеял все, что можно, и легли опять. Овчарка грела свои ступни руками.

– Вот будет хорошо, если тут крыша протекает.

– Вполне возможно. Дождь сильный, а домик древний, – сказала Васса в темноте.

– Ты умеешь поднять настроение. А что твои знакомые говорили о здешней погоде?

– Ну, что иногда в августе здесь бывает дождь.

– Твои знакомые, наверное, как маленькие детки, слова все время путают. Вот и в твоем случае надо было сказать «всегда», а они сказали «иногда». Чего ж их винить, эти два слова очень похожи.

– Кончай издеваться, – сказала Васса, и они снова надолго замолчали.

Потом Овчарка спросила:

– Ты о чем думаешь?

– Да ни о чем.

– Ври больше. О Москве ты думаешь. И о своем разводе.

А мы ведь договорились – никаких грустных мыслей в ближайшие три недели.

Васса печально усмехнулась:

– Я не думаю. Оно само думается. Мыслям не прикажешь – лезут ведь в голову, и все.

– Не печалься. Вот увидишь, я тебе помогу.

– Ох, Овчарка, ты если бы все знала, может, со мной и разговаривать в жизни больше не стала бы. Он, Валерка, про меня знаешь что всем рассказывает? Скоро на улицу нельзя выйти будет. На работе и то все шепчутся. И в том, что он говорит, – не только одни врачи.

– Что это я знать должна, скажи на милость? Ты с ним сколько прожила?

– Пять лет.

– Стало быть, он тебя знает лет шесть-семь, да?

– Ну и что?

– А я с тобой знакома больше восемнадцати лет. Срок?

– Срок, – согласилась Васса.

– А я тебя уж знаю ой-ой-ой как. И кого я послушаю – твоего дурацкого мужа или себя, по-твоему?

– Не знаю, Овчарка.

– Иди ты! Хуже нет, когда мужик треплется. Как худая баба на лавке у подъезда. Я бы постыдилась. А что в офисе твоём болтают – так им там тоже делать нечего. Распустила. Вернешься – загрузи их работой по самое не балуйся – они и минутки свободной не найдут, чтобы рот открыть. Ты ведь

там босс, хозяин-барин, черт побери! А с твоим я поговорю. Он ведь меня боится. Помнишь, как я его остудила тогда, а? Что бы ты без меня делала?

– Как такое забудешь?

Года три назад Васса сильно разругалась с мужем, он вlepил ей оплеуху, и Васса, прихватив Катьку, переехала на время к Овчарке. На звонки по совету подруги она не отвечала. Прошла неделя, и муж Вассы заявился к Овчарке на работу. Овчарке позвонили с вахты, сказали, что к ней просится мужчина, звать его так-то. Овчарка ответила, чтобы его не пускали ни под каким видом. Когда вечером Овчарка вышла из офиса, то увидела, что муж Вассы трется за турникетом, ожидая ее.

– Вот настырный, – рассердилась Овчарка, – такое упорство бы на благую цель.

Она ретировалась и зашла в комнатку охраны на первом этаже. Охранники Овчарку знали. Овчарка сказала, что там приперся ее бывший, а ей неохота его видеть. Парни предложили пойти и выставить его так, чтобы он башкой посчитал ступени.

– Нет, – сказала Овчарка, – пока не надо. Вот можно я у вас из окна вылезу?

– Десять баксов – одно вылезание из окна, – пошутили парни.

Овчарка таким образом избежала встречи с мужем Вассы. Она пришла домой, рассказала обо всем подруге.

– Долго он такой блокады не выдержит, прикопается не сегодня, так завтра. Надо тебе с ним поговорить. Раскаялся мужик, это видно. Вот ты только скажи: он тебе нужен?

Васса подумала, подняла глаза на Овчарку:

– Нужен.

– Ну, тогда нет вопросов. Только мы его еще чуть-чуть помурыжим, в воспитательных целях. На звонки по-прежнему не отвечать. Из дома тоже не выходи, Катьку из сада я, как обычно, сама заберу. А через два-три дня коротенько по телефону с ним поговоришь. У тебя синяк на скуле прошел?

– Давно.

– Так вот, скажешь, что пока с ним встретиться не можешь, потому что у тебя челюсть еще не срослась. И скажи, что ты подумываешь о том, чтобы в суд подать за тяжкие телесные повреждения. И что мы с тобой твою травму освидетельствовали, а результаты освидетельствования этого у меня в надежном месте спрятаны. Тут блеф не повредит. И я, пожалуй, их уничтожу, если он тебе за эти все терзания подарит большой бриллиантовый кулон. За моральный ущерб. Пусть потратится, он ведь у нас богатый.

– Овчарка, не смешно!

– Делай, как я говорю. Потом, еще через недельку, встретишься с ним в кафе, не более чем на двадцать минут.

Через месяц отношения между Вассой и ее мужем вроде наладились, но Васса все еще жила у Овчарки. И вот настал день, когда муж Вассы приехал с букетом забирать домой

жену и дочку. Овчарка встретила его на пороге.

– Кулон где? – без всяких «здрaсте» сказала она.

Валера протянул футляр.

Овчарка скрылась в квартире, потом вышла оттуда, заперла дверь на ключ.

– Что это ты делаешь?

– Запираю двери, не видишь.

– Позови, пожалуйста, Вассу.

– Васса отсюда не выйдет.

– Дай ключи.

– Попробуй отними. Только не советую. Вот что. Ты мне дашь обещание сейчас, что ни разу больше на нее руку не поднимешь. А если сбрехнешь – то у меня разговор будет короткий, у меня, знаешь ли, подруга всего одна. Клянись здоровьем и жизнью своей дочери. Надеюсь, она для тебя что-нибудь значит.

Спустя пять минут Овчарка отперла двери и из квартиры вышла Васса, красивая, в сиреневом костюме, пахнущая духами и улыбающаяся.

– Ты как после курорта, – сказала Овчарка, – вот твой муж, поезжай. А еще отдохнуть от него захочешь, так пожалуйста, приходи. Гляди, – сказала она Вассиному мужу как бы в шутку, – какая у тебя жена, чего тебе еще надо. Ее счастье будет, если ты не изменишься и ничего не усвоишь из того, что я тебе сказала. Просватаем ее без проблем.

Муж Вассы схватил жену за руку и скатился вниз по лест-

нице как ошпаренный. Овчарка захохотала и вернулась в квартиру.

Они вспоминали, вспоминали этот случай, смеясь по обыкновению, а потом заснули.

Когда они проснулись наутро, дождь по-прежнему барабанил по стеклу. Овчарка долго лежала в постели, потому что на холод вылезать было неохота. В конце концов, если бы не зов природы, она бы так и провалялась весь день. Вассы не было. Овчарка натянула джинсы, штормовку и побежала под дождем за огород в сортир. Когда она вернулась, повесила штормовку на спинку стула и завалилась обратно в постель, явилась Васса с красным пакетом в руках.

– Я ходила в турбюро, экскурсию на гору с маяком отменили, потому что ливень. Деньги мне вернули.

– Ну вот, – огорчилась Овчарка, – в комнате сидеть можно было и в Москве.

– Только что прибыл катер с десятью эмчезовцами. Ты помнишь «Лорелею»?

– Какую еще «Лорелею»?

– Тайфун «Лорелея».

– Так ведь говорили, что он рассыплется в море.

– Не рассыпался. И даже идет сюда. В Мурманске ночью сегодня деревья повалил, посрывал крыши. Говорят, жертв нет. Так что этот дождь неспроста. Вон и наша хозяйка говорит, что здесь в августе такого отродясь не было. Ты бы поглядела, что там с морем творится. Эти эмчезовцы все

прибыли зеленые. Говорят, в море больше никто не выйдет сегодня.

Овчарка вскочила на кровати и в восторге запрыгала по ней в одной футболке и трусах:

– Тайфун! Вот здорово! Не может быть, чтоб мне так повезло! Я на острове, и сюда прет тайфун! – Пружины жалобно стонали.

– Вряд ли тут есть что-то здоровское, – сказала Васса и поставила сохнуть на пол раскрытый зонтик. – Если тайфун досюда дойдет, то все разнесет в щепки. Здесь почти все дома деревянные. Эти из МЧС говорят, что, если он придет все-таки, придется всех прятать в катакомбах под монастырем. Они уже пошли к монахам договариваться. Овчарка, когда мы отсюда съедем, нам придется оплатить новый диван. Наш бюджет этого не выдержит.

Тут Овчарка перестала прыгать, потому что ей в голову пришла тревожная мысль.

– А что, есть вероятность, что тайфун не дойдет досюда?

– Есть. По радио сказали, что он набрал силу и вряд ли рассыплется теперь. Просто он может обойти остров стороной.

– Ой, хоть бы не обошел!

Они отправились на кухню. Хозяйка раздобрилась, дала им к чаю пирогов с грибами. Она все время охала:

– Всю жизнь прожила тут, и вот тебе – буря идет! Это все отчего? Шибко все стали умные, ракеты запускают, за гра-

ницей детей без матери, говорят, уже могут родить. А Бог вот и показывает нам, что не такие уж мы и шибко умные. Вот и послал напасть! Только если что, вместе с грешниками ведь и безгрешные пропадут. Я вот, к примеру, чем виновата? – Оказалось, что старушка уже сложила в узел чистое белье, свои золотые сережки и два кольца, две тысячи рублей денег, пенсионное удостоверение, ветеранское, паспорт, старую икону Богородицы и положила узел при входе, чтоб в случае чего схватить и бежать. Овчаркины восторги она не одобрила: – Все равно что малый ребенок глупый. Тебе все развлеченье. А у нас всех одна только жизнь, и та у Бога в руках.

Овчарка после завтрака пошла на причал поглядеть погоду. Замерзшая Васса сказала, что останется дома. Овчарка прихватила с собой Вассин зонтик, но скоро его закрыла – ветер вывертывал его наизнанку, почти вырывал из рук. Дождь хлестал по лицу, и Овчарка натянула по самые глаза штормовку и шла глядя не вперед, а под ноги. Море почернело. На причале привязанные лодочки прыгали как пенопластовые.

«Похоже, будет», – подумала взволнованно Овчарка.

На причале она встретила все того же матроса со «Свяителя Николая». Неподалеку трудники относили в сарай подальше от моря свежий тес, который сгрузили вчера с баржи. Матрос им помогал. Наконец они все перетаскали. Они накрыли тес рубероидом, прижали его аккуратно кирпичами и

закрыли сарай на большой замок.

«Пустое дело, если «Лорелея» придет, – сарайчик почти у самой воды», – подумала Овчарка.

Она поздоровалась с матросом и спросила почему-то про коричневую сумку Шуры Каретной. Матросу было не до сумки. Овчарку это тоже не должно вроде бы занимать. Но почему-то занимало.

– Какая сумка? – спросил он.

Овчарка напонила какая.

– А, так Аслан ее еще сегодня утром отдал, – сказал матрос, морщась от дождя, который колотил его по лицу.

– Кому?

– Ну, Шуре этой, как ее там, Каретовой. Пришла в белом такая, сказала, что это ее.

– А это точно Каретная была?

– С чего ей врать? Я-то саму ее не видел – я эмчэсовцев тогда еще вез. Ну, Аслан, как я его и учил, спросил, какая именно сумка. Она и сказала, мол, такая-то. Даже сказала, что там ручка одна немного надорвана. Все чин чинном. Мы в сумку эту даже не заглядывали. Если эта Каретная чего и недосчиталась, так это не мы виноваты. – Он вытащил из кармана мокрый платок и стал вытирать лицо. – А ты что, козу прикупила?

Овчарка обернулась и выругалась про себя – на причале у нее за спиной стояла вчерашняя коза. Она все время мекала.

– Вот привязалась! – рассердилась она. – Чего ей надо от меня, не пойму. Чего орешь, дура?

– Доить просит – вон вымя какое. Доить умеешь?

– Нет. – Овчарка чувствовала себя полной идиоткой.

– Ну ничего, научишься, – хохотнул парень и пошел к трудникам.

Овчарка увидела, что палатка, где работал Аслан, закрыта, тенты рядом с ней для любителей попить пиво на дорожку убраны, как и два пластмассовых столика. Она попыталась спрятаться от козы за палаткой, но та ее мгновенно отыскала. Овчарка дошла до магазина на площади. На улице было пустынно – полудикие коты и бродячие собаки попрятались кто куда, людей ей тоже встретилось по дороге немного. Овчарка купила сосисок и порошковое пюре – на обед, чтоб больше не выходить сегодня им с Вассой на ливень. Ей хотелось сырных чипсов, без которых она в Москве и дня не могла прожить. Но в магазине их не было. Овчарка зашла даже в столовую, но и там их не оказалось. Она отправилась домой, ворча:

– Нет, этот остров меня доконает! Здесь нет сырных чипсов! Здесь гуляют сумасшедшие козы! Если здесь еще и тайфуна не будет, я улечу ближайшим кукурузником! Эй, ты, – обратилась она к козе, – я тебя доить не буду, даже не надейся! Не умею и не хочу! Иди к своей хозяйке, она тебя, наверное, дождалась.

Вернувшись домой, она спросила старуху хозяйку, не зна-

ет ли она, чья это коза.

– У нее ошейник и бубенчик, она точно не бесхозная.

Старушка, выглянув в окно, долго смотрела на мокрую козу и сказала:

– Что-то не видела я ни у кого такой. Подоить бы ее надо, чего мучить-то. Доить умеешь?

– Нет, – сквозь зубы процедила Овчарка, ругаясь про себя.

– Ну, это дело простое, научу.

Козу отвели в сарай в огороде. Принесли ведерко.

– Вымя сперва вымыть надо и вытереть насухо. А перед дойкой-то что-нибудь вкусное дать, – учила старушка.

Она сунула козе морковку. У Овчарки дело сразу пошло на лад. Теперь коза стояла спокойно. Старушка держала козу за ошейник. Васса стояла в дверях и издевалась:

– Ты свой талант в землю зарыла. Тебе надо в доярки было идти. Ой, пойду возьму фотик. Не каждый день такое увидишь. Вот нащелкаю компроматов!

Она убежала и вернулась с «мыльницей». Когда сверкнула вспышка, коза вырвалась от старухи и пошла нарезать круги по сараю, мекая дурным голосом и все сшибая на своем пути: ведра, грабли, старушку. В конце концов она выскочила из сарая. В сарае царил полный разгром. Овчарка помогла старушке подняться. Старушка заковыляла к выходу, Васса бормотала извинения. Ведерко с молоком чудом осталось в целости. Выйдя, старуха увидела, что коза топчется на свекольной грядке и ест ботву.

– Ой, гони, гони! – закричала она. – Все ж пожрет!

Васса, которая чувствовала себя виноватой, вооружилась прутиком и выгнала козу за забор.

– Догадалась, – ворчала Овчарка Вассе, неся ведро к дому, – ты б еще петарду взорвала!

– Я не знала. У меня вспышка очень редко срабатывает.

Они пообедали. Хотя было всего три часа дня, небо вдруг почернело, словно наступили сумерки. Дождь не переставал. Хотели зажечь счет, но выяснилось, что электричество отключили. А потом в поселке завывали собаки. Все, как по команде. Хозяйка закрестилась, Овчарке тоже стало не по себе.

– Чего это они, – тихо сказала она Вассе, – может, тайфун чувуют?

– Наверняка. Жаль, радио не работает.

– Да тут и без радио все понятно. День, а темно как ночью. Слушай, может, козу в сарай пустить?

– Ага, я так и знала, что ты к ней неравнодушна.

– Да ну тебя! Мокнет она, жалко ее, живое существо все-таки.

Тут кто-то так громко в дверь забарабанил, что все подскочили. Это оказалась соседка хозяйки. Всклобоченная и мокрая.

– Евсевна, что делается-то! На Тамарином причале человека убили до смерти! Кровищи! Правильно говорят, беда одна не приходит.

Овчарка, которая тоже вышла на крыльцо, спросила:

– А кого убили?

– А я знаю? Черного какого-то.

– А где этот Тамарин причал? – не отставала Овчарка.

– Да почитай через дорогу, в двух шагах, вон с ангаром рядом. Вот, попомни мои слова: пришла беда – отворяй ворота. Сегодня его зарезали, а завтра нас!

– Да кому мы нужны-то, – возразила ей хозяйка, – мы ж не черные какие-нибудь, плохих дел не делали. Да и брать с нас ничего не возьмешь.

– Да сейчас за рубль зарежут и не задумаются!

Они еще долго стояли в дверях.

Овчарка побежала в комнату и стала спешно натягивать кроссовки.

– Одевайся и ты, – сказала она Вассе, – пойдём на причал, посмотрим.

Когда они выходили, старухи все болтали и согревались на кухне самогонкой.

По тропинке они дошли до старого разохшегося ангара для гидросамолетов, построенного еще при совке. У обеих кроссовки были мокрые насквозь, джинсы – по колено в грязи. Собаки продолжали выть. Темные дома без единого огонька грустно мокли под дождем. На Тамарином причале возле милицейского газика толпилось человек десять, и среди них Оварка заметила вездесущую Грушу с диктофоном. Ей никто не желал разъяснить, что же все-таки произошло, Мент, очень хмурый, в плащ-палатке, разговаривал с дву-

мя эмчээсовцами. У тех тоже лица были проблемнее некуда. Всем троим явно не слишком нравилось, что преступность на Бабьем острове уже не нулевая. Овчарка огорчилась, что пришла позже Груши. «Тожe мне героический журналист», – подумала она.

Эмчээсовцы прикрыли тело рогожкой. Убитый лежал на боку, скрючившись, а кровь если и была, то ливень ее давно смыл. Рядом, прямо на досках причала, сидел какой-то оборванный мужик в черной шапочке-чеченке, уткнув лицо себе в колени. Овчарка слушала разговоры вокруг.

– Слушай, как это Аслан в катавасии такой оказался. Такой ведь мужик спокойный был и не пил.

– Теперь Богу рассказывает, какой он спокойный... Да не он ведь первый начал. Этот накирвался до чертей и полез. Я видел. Нарывался прямо. Ты глянь, он и теперь-то ничего не соображает. Обыкновенное дело...

– Какое там обыкновенное. Ну для Большой земли обыкновенное... Это там по пьяни все друг друга, как кур, режут... А я тут вот тридцать лет как живу, ничего такого не помню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.